

Т. Парсонс

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ *

* Текст печатается по: Parsons T. On building social system theory: a personal history // *Deadalus*. 1970. Vol.99. No 4. P.826-881. Русское название принадлежит редакции.

Редакторы просили своих авторов писать автобиографично и неформально. В этом духе я и могу начать прямо с заявления, что главным предметом здесь будет эволюция определенного вклада в обобщенный теоретический анализ проявлений человеческого действия, с особым вниманием к его социальным сторонам — т.е. к теории социальной системы. Это потребовало объединения элементов из множества источников и в таких сочетаниях, которые не часто используются людьми, больше меня склонными к дисциплинарной специализации.

Возможно, я был предрасположен к этому очень необычным ходом своего образования. Студентом последнего курса в Амхерсте, под влиянием старшего брата, избравшего медицину, я намеревался сосредоточиться на биологии, с перспективой либо научной работы в этой области, либо медицинской карьеры. Но в 1923, предпоследнем году обучения там, я увлекся общественными науками под особенным влиянием неортодоксального "институционального экономиста" Уолтона Хамильтона. Тогда все планы были нарушены увольнением, под конец моего предпоследнего года, президента колледжа Александра Миклджона. Ни одного из преподавателей, чьи курсы я выбрал, следующей осенью уже не было. Я собирался посещать дополнительные курсы по биологии, некоторые по философии (включая курс по "Критике чистого разума" Канта) и некоторые по английской литературе.

С самого начала я допускал возможность продолжить свои занятия в аспирантуре. Но хотя социология в широком и туманном значении привлекала меня, обычные американские программы для аспирантов нет. Когда дядя предложил мне оплачивать год обучения за границей, я выбрал Лондонскую школу экономики. Особенно манили меня туда имена Л.Т.Хобхауза, Р.Тони и Харольда Ласки. И только после прибытия на место я открыл человека, который интеллектуально оказался для меня самым важным — Бронислава Малиновского, социального антрополога.

В Лондоне я не был кандидатом на ученую степень и мои планы были неопределенными, так что я был готов ухватиться за предложение обмена стипендиатами с Германией, куда меня рекомендовал Отто Мантеи-Цорн, с которым я работал на семинаре в Амхерсте по немецкой философии и который годом позже много возился с моим назначением преподавателем экономики в том же Амхерсте. Я был направлен в Гейдельберг, не имея собственного голоса в этом деле, но попал именно туда, где влияние Макса Вебера (умершего за пять лет до того) было наисильнейшим. Примечательно, что я не помню, услышал ли я его имя в Амхерсте или в Лондоне.

Работы Вебера, особенно "Протестантская этика и дух капитализма" (которую я несколькими годами позже перевел на английский язык [1]), сразу произвели на меня сильное впечатление. Собираясь в Гейдельберг, я не имел намерения добиваться ученой степени, но затем узнал, что это можно сделать, получив зачет всего за три семестра, сдав устные экзамены и написав диссертацию. Я решил писать ее под руководством Эдгара Залина (позднее работал в Базеле, Швейцария) на тему "Понятие капитализма в новой немецкой литературе", Я начал с дискуссии о Карле Марксе, кое-что сказал о некоторых менее значимых фигурах, таких как Луийо Брейтано, и затем сосредоточился на Вернере Зомбарте (авторе огромной работы "Современный капитализм" [2]) и Максе Вебере. Эта работа определила два главных фокуса моих будущих научных интересов: во-первых, природа капитализма как социо-экономической системы и, во-вторых, работы Вебера как теоретика социологии.

За год преподавания в Амхерсте, которое оставляло время для усердной работы над моей диссертацией, постепенно стало ясно, что мне нужно глубже вникнуть в отношения между экономической и социологической теориями. В особенности я благодарен за это дискуссиям с Ричардом Мериамом, который пришел в Амхерст как глава Отделения экономики уже после получения мною диплома.

Мериам убедил меня, что хотя экономическая теория и была одним из моих экзаменационных предметов в Гейдельберге, мне нужно знать о ней гораздо больше, и я решил сделать приобретение этого знания своей ближайшей задачей. Хотя немецкий "Dr. Phil." не был равноценен добротному американскому "доктору философии", я решил не претендовать на звание последнего.

Мериам рекомендовал мне идти в Гарвард и устроил мое назначение туда преподавателем на осень 1927 г.

Аллин Янг, возможно наиболее важный человек для моих интересов, как раз тогда уехал в Англию, но мне удалось наладить контакты с гарвардскими экономистами Ф.У.Тауссигом, Т.Н.Карвером, У.З.Рипли и Йозефом Шумпетером (который в то время был приглашенным преподавателем, хотя позднее он получил постоянное место в Гарварде). Эдвин Гей, историк-экономист, хорошо знал немецкую обстановку моего обучения в Гейдельберге и симпатизировал моим интересам.

Мериам был совершенно прав, утверждая, что знание экономической теории, которое я мог бы приобрести в Гарварде, далеко превосходило то, чему меня учили в Гейдельберге. Постепенно выяснилось, что экономическую теорию следует рассматривать внутри своего рода теоретической матрицы, в которую была бы включена и социологическая теория. В первый раз я попытался высказать эту идею в нескольких статьях, которые Тауссиг доброжелательно опубликовал в "Quarterly Journal of Economics" [3], будучи тогда его редактором. Более важным, однако, оказалось решение исследовать эту тему в творчестве Алфреда Маршалла (который в то время был высшим авторитетом в "ортодоксальной" или "неоклассической" экономической теории), имея в виду извлечь "социологию" Маршалла и проанализировать способ ее соединения с его строгой экономической теорией, Результаты, обнародованные в 1931-1932 гг. [4], представили первую стадию теоретической ориентации, которая, казалось мне, обещает превзойти уровень, достигнутый моими учителями в соединении теоретических структур двух дисциплин.

Общение с Шумпетером особенно помогало мне в этом, так как в вопросах о сфере действия экономической теории он был строгий конструктивист в отличие от Маршалла, не желавшего проводить никаких четких границ. Знание Вильфредо Парето, приобретенное собственными усилиями и через общение с Л.Хендерсоном, также было чрезвычайно важным, потому что Парето был выдающимся экономистом-теоретиком, во многом работавшим в той же традиции что и Шумпетер, но одновременно пытавшимся сформулировать более широкую систему социологической теории, которая, на его взгляд, включала и весьма строго определенную экономическую теорию [5]. Поэтому и Шумпетер и Парето служили как бы критической точкой отсчета, от которой отправлялись попытки различить экономические и социологические компоненты в мышлении Маршалла.

Из этого начального зерна постепенно вырастал проект включения в обширное исследование группы "новых европейских авторов" не только Маршалла и Парето (о последнем я написал длинную, размером чуть ли не в книгу, аналитическую статью вскоре после окончания работы над Маршаллом), но также Вебера и Дюркгейма. Общие идеи Вебера о природе современного капитализма, которая была главной темой моей диссертации, и более конкретно, его концепция роли этики аскетического протестантизма давали достаточное основание надеяться, что "конвергенция" Маршалла — Парето — Вебера возможна.

Все больше казалось желательным включить в задуманную схему и Дюркгейма, но это

было значительно труднее. Из этих четырех авторов Дюркгейм, бесспорно меньше всех занимался экономикой как дисциплиной в техническом смысле. Кроме того, у меня никогда не было таких наставников по Дюркгейму, какими были мои гейдельбергские учителя по Веберу, Тауссиг и Шумпетер — по Маршаллу и Хендерсон — по Парето. Ко всему прочему, представление о Дюркгейме, которое я получил, особенно от Гинсберга и Малиновского в Лондоне, не просто мало помогало, но положительно вводило в заблуждение, так что надо было забыть многое из неверного знания о Дюркгейме. Ключ к нему, однако, имелся. Это была первая большая работа Дюркгейма "О разделении общественного труда" (1893) [7], которая удивительно редко упоминалась в англоязычной литературе того периода. Внимательное изучение этой книги показало, что результаты ее анализа действительно можно прямо связать с веберовским анализом капитализма, а тот в свою очередь с маршалловской концепцией свободного предпринимательства. Тогда теория как таковая представляла бы скорее социологические, нежели строго экономические компоненты творчества Парето и Вебера и, более опосредованно, Маршалла. Комплекс ключевых понятий касался институционального уклада собственности и особенно договора (контракта) — уклада, отличающегося от "динамики" экономической деятельности как таковой и составляющего для своего понимания в теоретическом смысле задачу больше социологического, чем экономического, исследования.

Первый большой синтез

Результатом этой сложной серии исследований была "Структура социального действия", опубликованная в 1937 г., но законченная в первом варианте (хотя и существенно переработанном впоследствии) почти двумя годами раньше [8]. Книга была представлена как исследование идей разных авторов о современном социэкономическом порядке, капитализме, свободном предпринимательстве и т.д., и одновременно как анализ теоретической конструкции, на базе которой эти идеи и интерпретации формировались. В этом отношении роль самой прямой интерпретации исполнял тезис, что четверо названных авторов (причем они не стояли особняком) сходились (конвергировали) на чем-то таком, что в сущности было единой концептуальной схемой. В интеллектуальном климате того времени этот тезис никоим образом не был простым выражением здравого смысла — напротив, по мере его развертывания полученные результаты удивляли даже меня [9].

Чтобы прийти к такому заключению, мне понадобились три источника. Первый — конечно, тщательное критическое изучение весьма обширного массива нужных первоисточников, а также вторичной литературы, хотя большая часть последней была хуже просто бесполезной. Вторым было развитие теоретической схемы, пригодной для истолкования этих материалов. Наконец, третий источник в некотором смысле питал второй. Он содержал своеобразную ориентацию философии науки, о которой надо сказать несколько слов.

Всякий, кто претендовал на известную утонченность в интеллектуальной деятельности, задолго до 1920-х гг., когда эти проблемы стали занимать меня, развивал какую-то концепцию о природе и условиях эмпирического знания и особенно о природе и роли теории в этом знании. Я был вовлечен в круг таких проблем частично через прослушанные курсы эмпирических наук, особенно биологии, и частично через философию, включая, как я упомянул, интенсивный курс по "Критике чистого разума" Канта [10]. Гейдельбергский опыт повел меня значительно дальше, особенно в познании проблем, поднятых "Wissenschaftslehre" (науко-учением) Вебера. Среди них самыми заметными были, во-первых, проблемы, тяготеющие к немецким историческим традициям и, следовательно, к обсуждению статуса общественных теоретических понятий в социальных и культурных дисциплинах и, во-вторых, вопросы о месте толкования субъективных смыслов и мотивов в анализе человеческого действия — все то, что немцы называли проблемой *Verstehen* (проблемой понимания).

Возвратясь в свою страну, я нашел бихевиоризм столь распространенным, что всякого, кто верил в научную общезначимость толкования субъективных состояний сознания, часто считали до глупости наивным. Равно свирепствовала установка, которую я назвал "эмпирицизмом", а именно, что научное знание — это полное отражение "реальности вне нас", и даже отбор из нее незаконен.

Вебер же настаивал на неизбежности и познавательной достоверности (общезначимости) процедуры отбора из доступной фактической информации. Важность аналитической абстракции усиленно подчеркивал и Хендерсон в своей формуле: "Факт есть высказывание об опыте в категориях концептуальной схемы" [11]. По мне, кульминации эта установка достигла в работах А.Н.Уайт-хеда, особенно в его книге "Наука и современный мир", включая блестящее обсуждение "обманчивости неуместной конкретности" [12]. Через такие источники я и пришел к своей концепции, которую назвал "аналитическим реализмом" и которая описывала вид интересовавшей меня теории как абстрактный по природе, но никоим образом не "фиктивный" в смысле Ханса Файхигера [13]. Это описание казалось мне подходящим, в частности, к трактовке статуса экономической теории у Шумпетера и Парето. Мне также очень помогли разнообразные писания Джеймса Ко-нанта о природе науки, особенно о роли теории.

Со всем этим была тесно связана концепция "системы". Шумпетер и Уайтхед сыграли важную роль в формировании основ этого понятия, но, думаю, оно окончательно сложилось прежде всего под влиянием Парето и Хендерсона. Как не уставал повторять Хендерсон, Парето использовал модель системы из теоретической механики, но попытался применить ее и к экономике, и к социологии. Отсюда утверждение Хендерсона, что, возможно, самый важный вклад Парето в социологию — это его концепция "социальной системы", которую я воспринял так серьезно, что позднее использовал указанное словосочетание как название своей книги.

Собственная первичная модель Хендерсона, которую он достаточно подробно объяснил в книге "Общая социология Парето", была моделью физико-химической системы [14]. Он, однако, соотносил ее с биологическими системами. Хендерсон был большим поклонником Клода Бернара, написавшим предисловие к английскому переводу его "Экспериментальной медицины" [15]. Их центральной идеей была идея "внутренней среды" и ее стабильности. Это вплотную приближалось к мыслям У.Каннона о гомеостатической стабилизации физиологических процессов и к моим собственным представлениям, вынесенным из соприкосновения с биологией.

Таким образом, уже в те ранние годы была заложена определенная основа для перехода от понятия системы, используемого в механике, и понятия физико-химической системы, проясненного Хендерсоном, к пониманию особого характера "живых систем". Это было важно для более поздней фазы моего мышления, которую обычно называют "структурно-функциональной" теорией и которая высшее свое выражение нашла в моей книге "Социальная система" [17]. На дальнейшие мои шаги повлияла постоянно действующая Конференция по теории систем, работавшая приблизительно с 1952 по 1957 г. под руководством д-ра Роя Гринкера в Чикаго. Среди нескольких участников, чьи идеи оказались для меня важными, выделялся биолог, специалист по социальным насекомым Алфред Эмерсон. Все, что он говорил, а также некоторые из его письменных работ сильно подкрепляли мою склонность к гомеостатической точке зрения Каннона. Говорил он, однако, в таком направлении, чтобы настроить меня и, думаю, других в пользу тогда только зарождавшихся концепций кибернетического контроля не только в живых системах, но и во многих системах иных родов. Позднее это стало ведущей темой в моем мышлении.

Наконец, Эмерсон выдвинул идею, обернувшуюся для меня особенно плодотворной концепцией, во многом закрепившей мое убеждение в существовании фундаментальной непрерывности между живыми системами органического мира и системами человеческого социокультурного мира [18]. Это была идея функциональной

эквивалентности гена и, как он говорил, "символа". Вероятно, можно иначе сформулировать все это как проблему генетической конституции вида и организма и культурного наследия социальных систем. С некоторых пор такой подход приобрел для меня фундаментальное теоретическое значение.

Дела личные и профессиональные

"Структура социального действия" отметила главный поворотный пункт в моей профессиональной карьере. Ее основное свершение — доказательство идейного сходства четырех авторов, о которых говорилось в книге, — сопровождалось прояснением и развитием моих собственных мыслей о проблемах западного общества, затронутых этими авторами. Состояние западного общества, которое можно обозначить или как капитализм, или как свободное предпринимательство, а с политической стороны как демократию, явно было тогда состоянием известного кризиса. Русская революция и появление первого социалистического государства, контролируемого коммунистической партией, стали критической проблемой моего мышления со времен последнего курса. Фашистские движения влияли на дружеские связи в Германии. Меньше чем через два года» после публикации моей книги началась вторая мировая война и, наконец, был пережит великий экономический кризис 1929-30 гг. с его неисчислимыми последствиями для всего мира.

Мои личные проблемы были обусловлены ростом семьи [19] (трое детей, рожденных с 1930 по 1936 г.) и трудностями обретения достойного положения на профессиональном поприще. Хотя тогдашняя ситуация не вполне сравнима с теперешней, но даже и тогда было аномалией, что я оставался на должности рядового преподавателя десять лет — первые четыре года в Отделении экономики и последние пять в новообразованном Отделении социологии. Я имел несчастье служить под началом несимпатизирующих мне руководителей; в экономике — покойного Х.Бербанка, в социологии — П.А.Сорокина. Мое продвижение на уровень ассистента профессора состоялось только в 1936 г. и не по инициативе Сорокина, а, поименно, Э.Ф.Гей, Э.Б.Уилсона, Хендерсона, которые все были "внешними членами" отделения социологии. Первый вариант "Структуры социального действия" к тому времени уже существовал и был известен всем принципалам нашего заведения,

Но я вовсе не был уверен, что хочу остаться в Гарварде даже и на должности ассистента профессора. В этом критическом для меня 1937 году я получил очень хорошее предложение извне. Так как Гей в 1936 г. получил отставку и уехал в Калифорнию, я обратился к Хендерсону — не к Сорокину. В те дни, до введения системы комиссий *ad hoc*, Хендерсон поставил вопрос прямо перед президентом Конантом, который, конечно с согласия Сорокина, предложил мне еще существовавшую тогда должность "второсрочного" ассистента профессора, определенно пообещав постоянное место экстраординарного профессора через два года. На этих условиях я решил остаться в Гарварде.

Я уже отметил, что в интеллектуальном плане имел очень хорошие отношения с Тауссигом, Шумпетером и Геем. Вышеописанный кризис случился вскоре после окончания моих исключительных отношений с Хендерсоном. Я знал его по руководимому им семинару о Парето и в других качествах еще до того, как предложил ему рукопись моей книги для критического отзыва в связи с моим утверждением в должности. Вместо обычного краткого отзыва он встретился со мной (думаю, в основном, из-за моего обсуждения взглядов Парето) и начал длинный ряд частных занятий у себя дома, что-то около двух часов дважды в неделю в течение почти трех месяцев. Во время этих занятий он проходил со мною рукопись параграф за параграфом, разбирая главным образом разделы о Парето и Дюркгейме. Маршалла он пророскочил очень быстро и совсем не вникал в мою трактовку Вебера.

И в личном, и в интеллектуальном плане это был необычайный опыт. Знавшие

Хендерсона будут помнить его как трудного человека, который мог быть догматичным и в политике (где он оставался заведомым консерватором [20]), и во многих научных вопросах, что выражалось в несправедливом (по моему суждению) отношении ко всем социологам, кроме одного или двух. Но он имел огромные знания о науке, особенно на уровне философии науки и природы теории, и если человек выстаивал под его напором и не позволял себя подавить, то Хендерсон оказывался чрезвычайно проницательным критиком, очень полезным в решении как раз моих интеллектуальных проблем. Я в полной мере использовал благоприятные возможности этого общения и почти год посвятил пересмотру текста, внести поправки в который убедили меня дискуссии с Хендерсоном [21].

В эти ранние гарвардские годы я также приобрел важный аспект общения со сверстниками, а со временем и с учащимися. Группа младших членов факультета, встречавшихся достаточно регулярно, включала Эдварда Мейсона, Сеймура Харриса, Эдварда Чемберлена и в течение какого-то времени экономиста Карла Бигелоу, специалиста в области политического управления Карла Фридриха и историка Крейна Бринтона. С движением в сторону социологии, которое приблизило меня к сфере психологии и социальной антропологии, я начал узнавать Гордона Оллпорта, недавно возвратившегося в Гарвард из Дартмута, и Хенри Марри.

В антропологии особенно значительными были два моих современника. Первый — УЛлойд Уорнер, привлеченный в Гарвард главным образом Элтоном Мейо, который под началом Хендерсона направлял исследование, заказанное "Вестерн Электрик", чтобы получить в итоге исследование местных общин, ставшее в конце концов широко известной "серией исследований Янки-Сити". Когда Уорнер променял Гарвард на Чикаго, его заменил Клайд Клакхон, молодой социальный антрополог, совершенно независимый от группы Хендерсона, но сотрудничавший с нею. Он стал близким другом Марри, и в дальнейшем Оллпорт, Марри и Клакхон составили ядро основателей эксперимента по налаживанию социальных отношений.

В середине тридцатых годов начались также отношения с аспирантами, из которых несколько получили преподавательские назначения. Самым важным и единственным в своем роде было общение с Робертом Мертоном, который входил в первую когорту аспирантов в области социологии, но после него пришли Кингсли Дейвис, Джон Райли и, уже не как студенты, Матильда Райли, Робин Уильямс, Эдвард Деверу, Лоуган Уилсон, Уилберт Мур, Флоренс Клакхон и Бернард Барбер. Неформальная группа для обсуждения проблем социологической теории чаще всего состояла из этих людей и собиралась по вечерам в моем учебном кабинете в "Adams House", когда я был еще рядовым преподавателем.

Теоретические интересы после "Структуры социального действия"

Завершение "Структуры социального действия" было радостным событием, хотя в то время я не думал, какую репутацию могла бы приобрести эта книга [22]. Теоретическая схема, которая позволила мне доказать тезис об идейном схождении разных мыслителей, явно имела потенциал дальнейшего развития и применения, но существовало сразу несколько альтернатив, какой следующий шаг делать с ее помощью. На конференции в Белладжио возникла большая дискуссия, почему я не захотел самоопределиваться как экономист. Ко времени, когда "Структура социального действия" близилась к окончанию, вопрос частично был уже решен фактом моего перевода из экономического отдела в новое "Отделение социологии". Несмотря на дружеское расположение Тауссига, Гея и Шумпетера, я совершенно уверен, что не мог бы рассчитывать на большое экономическое будущее в Гарварде. Но в основном я и сам не хотел его и ретроспективно вижу главную причину этого в моей "пропитанности" сначала веберовским, потом дюркгеймовским мышлением (время Фрейда тогда еще не пришло). Хотя я желал поддерживать контакты с экономической теорией и фактически так потом и делал разными путями, я все же ясно

понял, что не хочу быть экономистом по преимуществу, во всяком случае больше, чем был им Вебер.

В моей жизни был еще один интересный эпизод, который на относительно позднем этапе мог повернуть меня, по меньшей мере в более отдаленной перспективе, в направлении экономики. После моего формального перехода в социологию Шумпетер организовал маленькую дискуссионную группу с участием молодых людей, в большинстве аспирантов, по проблемам природы рациональности. После нескольких собраний он предложил мне нацелить группу на создание книги, в которой он и я должны быть, самое малое, соредакторами, если не соавторами. Помню, что не отказываясь определенно, по крайней мере сразу, — я реагировал на предложение весьма сдержанно и фактически позволил ему отмереть со временем. Мне самому не вполне ясны мои тогдашние мотивы, но думаю, что все дело в смутной потребности почувствовать мой формальный разрыв с экономикой относительно завершенным [23].

Профессии и две стороны проблемы рациональности

Реально я задумал предпринять исследование под определенным углом зрения профессий как социального явления. Это решение логически вытекало из сочетания моего интереса к природе современного индустриального общества и концептуальной схемы, в которой я пытался понять его. Эмпирически было почти очевидным, что "приобретаемые обучением профессии" начали занимать выдающееся место в современном обществе, тогда как в идеологической формулировке альтернативы "капитализм — социализм" они вообще не упоминались. В самом деле, то, что теперь привычно называют "частным, неприбыльным" сектором организации и деятельности, организованным на профессиональном принципе, в отличие, например, от семейного уклада, при идеологическом подходе отсутствовало. Оглядываясь назад, можно теперь утверждать, что обе идеологические позиции отстаивали версии "рационального преследования собственных интересов": капиталистическая версия, обоснованная утилитаристской мыслью — интерес индивида в удовлетворении своих потребностей, социалистическая версия — интерес коллектива (согласно линии рассуждений, идущих от Гоббса и Остина) в максимизации удовлетворения общественной выгоды.

Внутри этой проблемной области я выбрал исследование некоторых аспектов медицинской практики. Думаю, что такой выбор имел достаточные "технические" основания, но объясним также и личными мотивами. Определенно, какую-то роль играло мое прежнее отречение от биолого-медицинских интересов, которое компенсировала роль социолога, исследователя медицинской практики, открывая путь к удовлетворению обоих мотивов. Правда, группа Хендерсона — Мейо тоже влияла на это решение. Сам Хендерсон имел медицинскую подготовку, хотя никогда не практиковал, и его первые гарвардские назначения были в медицинском отделении. Он сочетал свои медицинские и социологические интересы в знаменитой статье "Врач и пациент как социальная система" [24], в которой изложен подход очень близкий мне по духу. Неудивительно, что я должен был посоветоваться и с Хендерсоном и с Мейо (но также и с У.Б.Канноном) о моих планах. Все трое сильно подкрепили мое собственное ощущение потенциальной плодотворности такого исследования. Я предполагал, вдобавок к подробному разбору литературы, использовать методы участвующего (включенного) наблюдения и интервью. Полупубличный характер медицинской практики в современных больницах позволил делать многое в духе первого метода: с законным (хотя и не медицинским) титулом доктора и в белом облачении совершать больничные обходы, наблюдать операции, присоединиться к службе помощи на дому "Медицинского центра Тафтса" и т.п. (Возможно, теперь с ростом интереса к этическим сторонам исследования такой легкий обман пациентов сочли бы незачинным.) Другим источником данных была серия интервью (бесед) с довольно большим числом врачей, выбранных таким образом, чтобы представить

разные типы практики.

Еще один момент ситуации в этом процессе выбора оказался первостепенно важным. То было время, когда идеи о значимости психосоматических отношений начинали овладевать интеллектуальной элитой в медицине (типичными представителями которой, возможно, были терапевты Массачусетской больницы общей практики, где я провел много времени). У истоков здесь были психоанализ и тот факт, что профессор психиатрии названной больницы, Стэнли Кобб, недавно стал главным основателем "Психоаналитического института" в Бостоне. Группа Хендерсона — Мейо также очень интересовалась этим и родственными движениями мысли (они были поклонниками Пьера Жане, но одновременно и Жана Пиаже).

Решающим событием для меня стал разговор с Элтоном Мейо о моих интересах в области медицинской практики, в ходе которого он прямо спросил, насколько хорошо я знаю работы Фрейда. Я вынужден был ответить, что только очень фрагментарно. Тогда он настойчиво посоветовал мне почитать Фрейда серьезно и пополюе. К счастью, я имел достаточно свободного времени, благодаря должностному отпуску ассистента профессора, и последовал его совету. Было уже слишком поздно встраивать выводы из идей Фрейда в "Структуру социального действия", но это чтение оказалось одним из нескольких переломных интеллектуальных переживаний за всю мою жизнь. Оно проложило путь для формального обучения психоанализу, конечно на дозволенном уровне, почти десятилетием позже.

Я использовал экономическую парадигму "рационального преследования собственных интересов" в качестве основной точки отсчета (в данном случае негативно), чтобы показать различия между классической экономической моделью рыночной ориентации и профессиональной ориентацией, которой я занимался. Главные различия надо было искать неподалеку. У практикующих врачей, во-первых, в изучении зависимости платы за услуги от состояния пациентов, т.е. так называемой "скользящей шкалы", или повышения вознаграждений за благополучных пациентов и понижения за менее благополучных. И, во-вторых, в характере протеста против "лавочничества вокруг", а именно, против пациентов, судящих о врачах по их оценке стоимости предлагаемой медицинской услуги в денежном или ином выражении. Позже я должен был существенно обновить это уподобление (при всех различиях) профессионального отношения идеальному типу коммерческого отношения.

Наиболее важные теоретические моменты здесь затрагивали проблему природы рациональности — тот самый вопрос, с которым я встречался не только в собственной работе, но и в моей совместной работе с Шумпетером. При этом открылось различие не только между экономическими и неэкономическими аспектами рациональности, но, внутри второй ее категории, и между двумя разными способами или направлениями рассмотрения проблемы рациональности. Первое касалось очень старой проблемы, в том числе для меня, — проблемы отношения между рациональным (в основном научным) знанием и действием как его "приложением". Медицина, особенно в то время, когда я изучал ее, была своего рода прототипом возможностей производства потенциально полезного знания и приложения его к решению насущных человеческих проблем. То, что называли "научной медициной", находилось тогда в зените славы, и веру в ее великую важность внушил мне мой брат, который учился в университете Джонса Хопкинса. Были, конечно, и очень определенные связи между этим аспектом медицины и более общей постановкой проблемы рациональности в "Структуре социального действия", особенно в концепции "логического действия" Парето.

Психосоматические проблемы, в конце концов и проблемы умственных болезней, упомянутые выше, поднимали иной круг вопросов. Они касались значения научных способов рационального исследования и анализа для понимания и в каком-то смысле контроля нерациональных и иррациональных факторов в детерминации человеческого действия, в первую очередь — индивидуального, но явно также и социального. Интерес к

этим темам свойствен мышлению всех моих авторов за исключением Маршалла, но интенсивное ознакомление с мыслью Фрейда закруглило мою схему и придало ей новые измерения, а именно по части особой пригодности нерациональных факторов и механизмов в более интимных микросоциальных процессах взаимодействия. Я подозреваю, что интерес к этому комплексу проблем был не последней причиной моего прохладного отношения к предложению Шумпетера, лестному для молодого и еще не имеющего прочного положения ученого.

На развитие у меня такого рода интересов явно влияли мои крепнущие связи с такими коллегами как Клайд Клакхон и Хенри Марри. Гордон Оллпорт, напротив, был психологом заведомо рационалистических наклонностей. Во всяком случае оказалось, что в моем исследовании медицинской практики надо было сочетать обе грани "комплекса рациональности" и обе они резко контрастировали с моим более ранним опытом сосредоточения на экономических и политических аспектах рациональности. Самым глубоким был интерес к месту религии в любом общем анализе социального действия — интерес, который, честно говоря, имел и семейные корни и стал центральным под влиянием веберовского анализа протестантской этики и его общих исследований по сравнительной социологии религий.

Как я теперь вижу, эти три (или, включая религию, четыре) фокуса "проблемы рациональности" почти полностью доминировали в структурировании моих творческих интересов, начиная с этой ситуации перепутья в конце 1930-х годов. Первым большим свидетельством моих колебаний был поворот от политико-экономического комплекса к социо-психологическому, т.е. к проблеме нерационального, увиденной больше с позиций Фрейда, нежели Вебера и Парето, как бы ни отличались друг от друга эти двое. В ходе этого поворота я полностью сознавал важность "когнитивной рациональности", в частности, как культурной основы научного компонента медицины. Однако усиленные занятия всем этим вынудили подождать с моим возвращением к теме профессий в системе высшего образования и научных исследований — теме, недавно ставшей для меня ведущей. В известном смысле это случай "возвращения вытесненного".

В контексте социально-эмоциональных составляющих медицинской практики я начал анализировать некоторые явления (которые тогда все еще в отличие от "науки" называли "медицинским искусством"), опираясь на фрейдовскую концепцию отношений между психоаналитиком и анализируемым субъектом, и особенно на феномен "переноса", который я считал одним из главных открытий Фрейда. Ясно, что не он изобрел проблему взаимоотношений врача и пациента, которая в западной традиции восходит, по меньшей мере, к Гиппократу (см. у Хендерсона), но он сделал ее первичным социальным каркасом для здания психоаналитической практики и необычайно углубил основу ее понимания. Выяснилось, что психоаналитическое отношение представляло собой крайний и потому, в некотором ограниченном смысле, парадигматический пример этих взаимоотношений и что во все это вписывалась обширная и расплывчатая область психосоматических взаимоотношений. Между двумя главными аспектами проблемы рациональности, интересующими нас здесь, существовало, конечно, связующее звено в виде притязания психоанализа на научный статус, которое, несмотря на многие спорные пункты, по моему, уже достаточно обосновано и, возможно, в прикладном контексте, для процесса терапии лучше всего символически выражено афоризмом Фрейда: "Где было Оно (Id), там будет Я (Ego)". В основном это и была та дорожка, которой я пришел к мысли о болезни как своего рода форме социального "отклонения" и о терапии как деятельности, принадлежащей к очень обширному семейству типов "социального контроля" — точка зрения, за которую я дорого заплатил, будучи обвинен как агент "Истеблишмента", заинтересованный в сохранении status quo. Тем не менее, в этой моей позиции содержится определенная доля истины, которая, думаю, в основном независима от конкретной формы социального порядка. Важный теоретический момент здесь — это сдвиг от рассмотрения приложений медицинской науки как только биофизической технологии к их

рассмотрению также как области социального взаимодействия. В более технической терминологии, которая сформировалась позднее, скажем так, что традиционный взгляд на медицинскую практику представлял ее себе как отношение между культурными системами (научным знанием) и организмами, где социальные агенты лишь внедряли очевидные послышки и выводы знания, тогда как иной подход требовал трактовки медицинских взаимоотношений, по меньшей мере частично, как тонкой взаимоотноигры между бессознательными мотивами на личностном уровне и особенностями структуры социальных систем. Существуют и другие социологические соответствия этому двухуровневому различению между врачом как компетентным агентом социального контроля и пациентом как реципиентом важных услуг такого рода, но здесь не место дальнейшим подробностям. Все это, однако, вводит еще один фокус социальной структуры, которого нет ни в преимущественно экономических, ни в политических моделях (капитализм и социализм).

От медицинской практики к теории социализации

На этапе карьеры, протекавшем под столь сильным влиянием Фрейда, вероятно, было только естественным скольжение моих интересов от анализа социальной ситуации психоанализа и, более обобщенно, медицинской практики к анализу истоков тех проблем, с какими сталкивались психоаналитик и анализируемый. Это явно были прежде всего проблемы личности анализируемых (основные элементы "обратного переноса" попали под анализ несколько позже), и социолога такие проблемы вплотную подвели к рассмотрению условий развития ребенка в семье как социальной системе. Сам Фрейд придавал все большее значение "объективным отношениям", но едва ли можно говорить, что он развил достаточно удовлетворительную социологию семьи. В этой связи центральную роль начала играть концепция, на которой мы заметно сходимся. При чтении работ Фрейда мне постепенно открывалась важность того, что я и другие начали называть феноменом "интернализации" (собственный термин Фрейда был "интроспекция") как социокультурных норм, так и представлений о личностях других людей, с которыми индивид взаимодействовал, прежде всего как "субъект социализации" (второй случай иногда называют процессом "идентификации").

Впервые эта идея отчетливо проявилась в концепции "Сверх-Я", хотя можно говорить о ее присутствии в мысли Фрейда уже на ранней стадии, особенно в концепции "переноса" (например, в трактовке аналитика словно бы отца анализируемого субъекта). Фрейд начал рассматривать моральные нормы, в частности внедряемые отцом, как интегральную часть личности ребенка, прошедшего через известные фазы процесса обучения. Постепенно сфера действия этого фрагмента фрейдовской теории "объектных отношений" расширялась в более поздних работах, охватывая не только Сверх-Я, но и Я и даже Оно [25]. Почти тогда же мне стало ясно, что очень похожая концепция, развитая с совсем иных позиций, не чужда и Дюркгейму, особенно в его теории социального контроля посредством морального авторитета. Та же идея подразумевалась, по меньшей мере неявно, в веберовской трактовке роли религиозных ценностей в детерминации поведения и очень отчетливо появилась в трудах группы американских социопсихологов, особенно Г.Мида и У.Томаса. Эта концепция интернализации (в определенной последовательности) множеств культурных норм и социальных объектов стала главной организующей осью всей теории социализации, участвуя в новых формах даже в самых последних трактовках проблем высшего образования.

Интернализация есть свойство структуры личности как системы. Аналогичное явление для социальных систем я назвал институционализацией, особенно выделяя формирование социальных взаимоотношений элементами нормативной культуры, которые уже прямо становятся структурными частями исходной социальной системы. Возможно, самым выдающимся теоретиком такого направления анализа был Вебер, особенно в своей сравнительной социологии религии, но Дюркгейм тоже делал здесь важные вклады. Более

того, обе эти концепции можно было понять только при условии, что первичные подсистемы общей системы действия будут восприниматься как взаимопроникающие друг в друга так же как и взаимозависимые. Тем самым определенные компоненты культурной системы одновременно становились компонентами социальной и личностной систем. Эта весьма важная концепция взаимопроникновения в свою очередь сильно зависела от концепции абстрактности рассматриваемых подсистем. При таком взгляде социальная система (например, общество) есть не конкретное сущностное единство, но способ установления определенных отношений среди множества компонентов "действия", которые более четко различимы по сравнению с необозримым разнообразием конкретной реальности.

Интерес к этой группе проблем "нерационального" определенно усиливали некоторые обстоятельства тех времен. Тогда казались важными обсуждения проблемы немецкого характера, в связи с чем впервые стал заметной для меня фигурой Эрик Эриксон [26]. Свою лепту внесли и личные события включая преждевременную смерть (1940) моего брата-медика, а также старение и последующие смерти моих родителей (1943 и 1944).

Видимо, в этой совокупности обстоятельств надо искать главное объяснение самой большой заминки в моей карьере: отказа от намерения опубликовать обширное монографическое исследование медицинской практики. Думаю, что я многое приобрел от этого исследования, прежде чем меня отвлекли более общие интересы: тонкие моменты социального контроля и поиски происхождения медицинских проблем в процессах социализации вне профессионального контекста [27]. Во всяком случае, я решил как-то завершить это предприятие и, в дополнение к довольно большому числу обсуждений разных аспектов темы в статьях, удовольствовался в итоге пространной главой "Случай современной медицинской практики" в книге "Социальная система". Вероятно с конца 1940-х годов у меня было обратное движение от психологических и микросоциологических проблем к более макросоциологическим, включая экономические, а также обновленное чувство участия в событиях на европейской сцене, что было ознаменовано ведением семинара в Зальцбурге летом 1944 г. В каком-то смысле этот процесс достиг высшей точки в повторном возвращении к проблемам отношения между экономической и социологической теориями, начавшемся в год моего пребывания приглашенным профессором в английском Кембридже (1953-1954).

В 1946 г., однако, я начал проходить официальный курс психоаналитического обучения в качестве кандидата "класса С" в Бостонском психоаналитическом институте. Более общие интеллектуальные основания моего интереса к этому, надеюсь, ясны из предыдущего обсуждения, хотя у меня были и некоторые личные причины для поисков. Более общие интеллектуальные основания моего интереса к этому, надеюсь, ясны из предыдущего обсуждения, хотя у меня были и некоторые личные причины для поисков психотерапевтической помощи. Я считаю чрезвычайной удачей, что моим обучающим психоаналитиком была доктор Грета Бибринг, входившая в первоначальный кружок Фрейда в Вене до своего вынужденного изгнания после нацистского захвата Австрии. Разумеется, без медицинской степени нельзя было надеяться стать практикующим психоаналитиком, и согласно правилам того времени мне не позволялось самостоятельно работать с пациентами. На деле меня допускали к клиническим семинарам только в виде исключения, по особому распоряжению. Но я никогда и не намеревался заниматься врачебной практикой.

Вдобавок к углублению моего понимания психоаналитической теории и явлений, с которыми она имеет дело, этот опыт помог мне "отучиться" от чрезмерного увлечения психоаналитическим уровнем рассмотрения человеческих проблем и, следовательно, стал своеобразным коррективом к воздействию первоначального чтения Фрейда и ранних этапов моего изучения медицинской практики. В результате начал относительно усиливаться интерес как к более абстрактным и аналитическим проблемам теории, так и к эмпирическим поискам в менее психологических областях, например, снова в экономической и политической, а позже — в образовании.

Я был не единственным профессором Гарвардского университета, призванным на военную службу из Кембриджа. Занимался я, однако, чем-то вроде преподавания в "Школе заграничной администрации", где директором был мой друг Карл Фридрих, ответственный за исполнение региональных и языковых программ и программ подготовки чиновников государственной гражданской службы. Моим предметом были европейские и восточно-азиатские общества. Под конец войны я служил консультантом в "Управлении иностранной экономики" по отделу военных противников, занимавшемуся вопросами послевоенных отношений с Германией. Я подготовил несколько докладных записок против так называемого плана Моргентау.

В 1944 г. отчасти в ответ на очень хорошее предложение извне, меня назначили главой отделения социологии в Гарварде, понимая, что за этим скоро может последовать значительная реорганизация. О возможностях реорганизации со мной совещались Оллпорт, Клакхон и Марри. В 1945 г. на отделении социологии открылись две вакансии на постоянные места. Одно из них занял Джордж К.Хоманс, который уже побывал в нашем отделении до ухода на флотскую службу. На другое пришел Самьюэл Стауффер, который как раз заканчивал свою выдающуюся службу на посту руководителя исследований в отделе информации и образования военного ведомства. Эти события конца 1945 г. позволили нам начать хлопоты по организации специального отделения социальных отношений, которое открылось осенью 1946 г. Стауффер стал руководителем лаборатории социальных отношений, дочерней исследовательской организации, а я возглавил большой департамент, который включал, кроме социологии, социальную антропологию, социальную и клиническую психологию, Я был его руководителем десять лет до 1956 г. В становлении и развитии отделения социальных отношений выдающуюся роль сыграл проректор университета и декан факультета Свободных искусств и наук Пол Бак.

На протяжении этого периода я вел более активную профессиональную жизнь и вне Гарварда. В 1942 г. я служил президентом Восточного социологического общества, но поскольку год был военный, а тот пост не потребовал особой активности. На 1949 г. меня избрали президентом Американской социологической ассоциации и это, конечно, оказалось куда более серьезной работой. Ассоциация переживала тогда крупный организационный кризис, вызванный ростом числа ее членов и видов деятельности. В течение моего срока был существенно пересмотрен устав ассоциации, устроена новая служба и впервые назначен платный помощник-администратор. После перерыва в несколько лет я опять активизировался в делах ассоциации, служа ей как глава Комитета по профессиям, затем пять лет как секретарь и, наконец, как главный редактор журнала "The American Sociologist", "семейного" органа ассоциации, отражавшего больше события и проблемы нашего профессионального мирка, чем "вклады в знание". В 50-х годах я усердствовал также в Американской ассоциации университетских профессоров, работая в специальном комитете по делам лояльности и безопасности и по одному сроку в Совете ассоциации и в комитете по вопросам академической свободы и полномочий.

Теоретическое развитие, 1937-1951

В роли преподавателя, особенно на аспирантском уровне, истинно золотым веком для меня были первые годы работы отделения социальных отношений. Открытое ровно через год после окончания войны, отделение привлекло, благодаря закону о ветеранах, необычайно талантливых молодых людей, из обширного резерва тех, чье образование прервала война. В числе уже побывавших в Гарварде были Бернард Барбер, Альберт Коуэн, Марион Леви, Хенри Рикен и Франсис Саттон, а Роберт Бейлз оставался с нами всю войну. Среди новоприбывших были Дейвид Шнейдер, Харольд Гарфинкель, Дейвид Аберле и Гарднер Линдсей. Чуть позже пришли Джеймс Оудз, Моррис Зелдич, Джозеф Бергер, Рене Фокс, Клиффорд Гирц, Франсуа Бурико (из Франции по фонду Рокфеллера), Роберт Белла, Нейл Смелсер, Джексон Тоуби, Каспар Нагеле, Теодор Миллз, Джозеф Элдер, Эзра Фогель, Уильям Митчел (в отделении проблем политического управления), Одд Рамсю из Норвегии и

Бенгт Рундблатт из Швеции.

В конце 50-х — начале 60-х пошла третья волна выдающихся аспирантов, в том числе Уинстон Уайт, Леон Мейхью, Ян Лоубсер, Эдвард Ломанн, Чарлз Акерман, Энно Шваненберг, Виктор Лидз, Андру Эффрат, Райнер Баум, Марк Гулд, Джон Эйкьюла и Джералд Платт, сразу после официального окончания курса обучения особо тесно сотрудничавший со мной. Близкие отношения с лучшими учащимися такого калибра были одной из самых больших наград за мою академическую карьеру. Такие молодые умы, как мне кажется, не могут не оказывать стимулирующего действия на своих учителей. Мой личный опыт сильно укрепил мое убеждение в важности сочетания обучения и исследовательских функций в одних и тех же организациях и ролях.

Некоторые из этих отношений прямого сотрудничества (с такими людьми как Роберт Бейлз, Джеймс Оулдз, Нейл Смелсер, Уинстон Уайт, Виктор Лидз и Джералд Платт) имели результатом соавторские публикации. Другие важные рабочие связи у меня были с Дейвидом Шнейдером, Клиффордом Гирцем, Леоном Мейхью и (пусть не как с официальным исследователем) с моей дочерью, недавно умершей Анн Парсонс.

Несмотря на отмеченные выше сдвиги, видимо, существует определенное единство моих интеллектуальных интересов и теоретического развития на протяжении всего периода от завершения "Структуры социального действия" до двух больших книг, опубликованных в 1951 г.: "К общей теории действия" — коллективной работы в соавторстве с Эдвардом Шилзом [28] и моей монографии "Социальная система". Я думаю, что самой важной нитью, поддерживающей преемственность в моей деятельности, была так называемая схема "переменных образцов ценностной ориентации". Эта схема начиналась как попытка сформулировать теоретический подход к толкованию феномена профессий. Было ясно, что в дихотомии "капитализм — социализм" нечего делать, так что я обратился к знаменитому различению двух типов социальной организации *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — различению, сформулированному в немецкой социологии Теннисом и использованному Вебером [29]. Исходной точкой отсчета была здесь проблема "собственного частного интереса" (личной заинтересованности), взятая как альтернатива, далеко отстоящая от всеобщего коллективного интереса в социалистическом понимании. Профессиональная ориентация была, как я предположил с самого начала, "незаинтересованной", бескорыстной (позднее — "коллективно-ориентированной") в смысле, в каком врач претендует быть выше всех расчетов, связанных с богатством пациента. Этот критерий поместил профессии в *Gemeinschaft*-катеорию.

Научный же компонент медицины, универсалистский характер знания применительно к проблемам болезни, подходил для обширной совокупности черт современного общества, которую Теннис и его многочисленные последователи классифицировали бы как *Gesellschaft*. Очевидный вывод из этого таков, что теннисовскую дихотомию не следует трактовать только как продукт оперирования одной переменной, но надо рассматривать также и как результирующую множества независимых переменных. Если бы переменные были действительно независимы, то мы должны бы иметь не просто два основных типа социальных отношений, но существенно более обширное семейство таких типов. Я предположил, что профессиональный тип отношений принадлежал к этому семейству, но ни как *Gemeinschaft*, ни как *Gesellschaft*-тип. Сколь бы значительной сама по себе ни была проблема частного интереса, теперь мне казалась даже более важной другая проблема: как охватить в одной и той же аналитической схеме и универсализм, особенно характерный для познавательной рациональности, и вопрос о месте в нашей деятельности нерациональной эмоции или аффекта. С этой целью очень рано была сформулирована дихотомическая переменная, которую я назвал "аффективность — аффективная нейтральность", и введена мною в ту же систему, куда входила и переменная "универсализм — партикуляризм".

За многие годы схема переменных образцов ориентации претерпевала весьма сложные приключения, которые здесь нет нужды подробно описывать. Но первый настоящий

синтез получился благодаря проекту, который породил книгу "К общей теории действия". Он начался как своеобразная теоретическая инвентаризация материала, на который опирался эксперимент с определенными социальными отношениями, и для этого проекта в Гарвард внештатно были приглашены Эдвард Шилз и психолог Е.К.Толмен. Шилз и я сотрудничали особенно тесно, в итоге создав совместную монографию "Ценности, мотивы и системы действия", которая, в известном смысле, стала теоретическим ядром книги "К общей теории действия". В монографии мы развили схему переменных образцов как теоретическую основу не только, как я предполагал первоначально, для научного анализа социальных систем, но и для анализа действия вообще, и особенно, в пределах нашего тогдашнего кругозора, личностей и культурных систем. В таком качестве схема уже не была простым каталогом дихотомических различий, но совершенно определенно стала "системой", которая к тому же содержала семена гораздо более значительных осложнений, чем мы сознавали в то время.

Казалось, эти обобщения и систематизация составляли реальный теоретический прорыв, который придал мне смелости попытаться в общей форме высказаться, от своего собственного лица, о природе социальных систем, более определенно описав макросоциальные уровни. Результат этого, моя книга "Социальная система", помимо упорядочения ею общепринятой социологической мудрости, держалась прежде всего на двух идеях, которые можно считать оригинальными. Первая нацеливалась на прояснение отношений между социальными системами, с одной стороны, и психологической (или личностной) и культурной системами, с другой. Второй особенностью книги было обдуманно систематическое использование схемы переменных образцов в качестве главного теоретического каркаса для анализа социальных систем.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. London: Allen and Unwin, 1930.
2. 3 vols., 2d ed., Leipzig: Duncker and Humboldt, 1916.
3. Sociological Elements in Economic Thought, 1,49 (1935), 414-453; Sociological Elements in Economic Thought, II, 49 (1935), 645-667.
4. Wants and Activities and Marshall // Quarterly Journal of Economics. 1931. 46. P. 101-140; Economics and Sociology: Marshall in Relation to the Thought of his Time // Quarterly Journal of Economics. 1931.46. P.316, 347.
5. Французскому изданию своей книги Парето дал название "Traite de sociologie generale". Мне всегда казалось неудачным название английского перевода "Трактата ...", вышедшего несколькими годами позже моей работы под титулом "The Mind and Society" ("Сознание и общество").
6. Как таковая эта статья никогда не публиковалась, но ее основное содержание, после значительной переработки, вошло в три главы о Парето в книге "The Structure of Social Action" (New York: McGraw-Hill, 1937).
7. George Simpson, trans., New York: Free Press, 1964.
8. Первое, что я фактически занес на бумагу для этой книги, касалось ранних эмпирических работ Дюркгейма, связанных с феноменом разделения труда и его (впоследствии) знаменитым исследованием о самоубийстве (глава VIII).
9. Так, например, Сорокин, чьи "Современные социологические теории" были в 30-х годах наиболее широко известным компендиумом в этой области, относил Парето, Дюркгейма и Вебера к совершенно разным школам и ни разу не упомянул о какой-либо теоретической связи между ними.
10. Ретроспективно мне кажется теперь, что тот опыт был (даже независимо от содержательной весомости Канта для моей проблематики) чрезвычайно важным тренингом для всей моей последующей работы. Он был подкреплён и усилен семинаром и устным экзаменом по той же книге у Карла Ясперса в Гейдельберге в 1926 году. Значение этого опыта кроется в самом факте, что я повторно и подробно изучал великую книгу, плод великого ума, пока не добился определенного уровня самостоятельной

оценки её вклада в науку, не удовлетворяясь мириадами очередных весьма поверхностных комментариев к ней. Этот опыт сослужил мне хорошую службу в осмыслении вкладов моих основных авторов и в достижении того, что я ощущал как высокий уровень их понимания по сравнению со многими искаженными толкованиями во вторичной комментаторской литературе, некоторые из которых были широко распространены.

11. Bernard Barber, ed, L. J. Henderson on the Social System (Chicago: University of Chicago Press, 1970).

12. New York: Macmillan, 1926.

13. Hans Vaihiger, The Philosophy of "As if," trans. C. K. Ogden (New York: Barnes & Noble, 1952).

14. L. J. Henderson, Pareto's General Sociology: A Physiologist's Interpretation (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1935).

15. Claude Bernard, An Introduction to the Study of Experimental Medicine, trans. H. C. Green, repub. ed. (New York: Daler, 1957).

16. W. B. Cannon, The Wisdom of the Body (New York: Norton, 1932). В дискуссии на конференции в Белладжиио, когда я впервые представлял это эссе, был поднят вопрос о серьезности этого моего обращения к биологии. Я был чрезвычайно доволен, когда профессор Курт Штерн сказал: "Позвольте мне коротко указать на одну черту Амхерста, которая не каждому известна, В Амхерсте биологию преподавали на очень высоком, даже аспирантском уровне, хотя Амхерст и не присуждал докторских степеней. Там были блистательные люди, и, вероятно, их влияние и должно быть сильнее, чем в любом другом колледже с хорошими, но менее выдающимися профессорами, куда мог бы поступить профессор Парсонс".

17. New York; Free Press, 1951.

18. Здесь следует напомнить, что обществоведы были вынуждены тратить много изобретательности и энергии на отражение поплзновений к незаконному и преждевременному биологическому "редукционизму".

19. Я женился в 1927 году на Хелен Уокер, с которой познакомился как студент-сокурсник в Лондонской Школе Экономики. Она много лет работала в Гарварде, еще совсем недавно в администрации Русского исследовательского центра.

20. Так он был крайне враждебен к президенту Рузвельту, политику которого я лично в общем поддерживал.

21. Заметим, что тогда, как и теперь, преобладающим девизом было "Публикуйся или погибай!" и что конформизм и приспособленчество выражались в том, чтобы публиковаться как можно скорее и как можно больше. Я могу засвидетельствовать, что ответственные советы, которые получал от старших сотрудников в Гарварде, не подходили под эту формулу. Все единодушно советовали потратить столько времени, сколько надо, чтобы выдать самую лучшую работу, на какую ты способен. Конечно, это очень помогало, что такие люди как Хендерсон, Гей и Уилсон знали о том, что я делал, и просматривали отдельные куски из моих работ. Еще один старший по возрасту критик, кого надо упомянуть добрым словом — это покойный А. Д. Нок.

Как всегда в случае устрашающе внушительных личностей, не обошлось без некоей подспудной реакции на Хендерсона. Он был рыжебород и заглазно имел широко известное прозвище "Красная борода". Мои сидения с ним происходили далеко за полночь, и как правило я шел прямо домой и рассказывал моей жене, что говорил Красная борода. Помню, как я беспокоился, что мои дети подхватят кличку и при случае в глаза скажут Хендерсону: "Это вы Красная борода, о котором толкует наш папочка?"

Большая удача, что между первым и окончательным набросками этой статьи появилась книга "Л. Хендерсон о социальной системе" под редакцией Барнарда Барбера. Она содержит большую часть социологических сочинений Хендерсона с пространным и информативным введением Барбера. В нем подробно описана история вовлечения

Хендерсона в мир гарвардского обществоведения и разных людей там вокруг него.

22. Возможно, меня извинят, если я скажу, что хотя в первый раз чувствовал себя безмерно счастливым, когда удалось опубликовать книгу без субсидии, а потом и переиздать в 1949 году, она тем не менее устойчиво продавалась свыше тридцати лет в значительных количествах. Как раз тридцать лет спустя после первого появления вышло издание в мягкой обложке, которое разошлось хорошо. Этим я прежде всего обязан Иеремии Каплану (который практически и "был" издательством "The Free Press") за его смелость в осуществлении перепечатки 1949 года и за хлопоты с нею и с рядом других моих публикаций. Без Каплана и его главного советника Эдварда Шилза, вероятно, не случилось бы (по крайней мере, так скоро) послевоенного процветания социологического книгоиздания, волну которого я успел оседлать.

23. Я уже отметил выше, что на последнем курсе принял сравнительно основательное решение идти в общественную, а не в биологическую науку, Мое переключение на обществоведение (первоначально, на экономику в узком смысле) было связано и с моим отцом, который, пока я искал свой путь, оставался преподавателем и администратором. Когда я был студентом, мой отец занимал пост президента "Marietta College" в штате Огайо. Он начинал свою карьеру конгрегационистским священником и очень сильно включился во влиятельное тогда "социально-евангелистское" движение, которое, как теперь ясно, много сделало для зарождения социологии в США.

24. Перепечатано в Barber, ed, Henderson on the Social System.

25. См. МОЮ статью "Social Structure and the Development of Personality: Freud's Contribution to the Integration of Psychology and Sociology," in Social Structure and Personality (New York: Free Press, 1964).

26. См. МОЮ статью "The Problem of Controlled Institutional Change," reprinted in Essays in Sociological Theory, rev. ed. (New York: Free Press, 1954).

27. Возможно, одним из ускоряющих факторов в этом отношении была смерть в 1938 году моего тестя доктора У. Д. Уокера из Андовера (Массачусетс) в возрасте 60 лет. Доктор Уокер был особенно чистым типом врача общей практики и очень помог мне при разработке полевой фазы моего исследования и в общих обсуждениях медицинской сцены действия. В то же время он был достаточно старомоден, чтобы "не принимать всерьез" мои более эзотеричные психологические интересы.

28. Talcott Parsons and Edward Shils, eds., Toward a General Theory of Action (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951).

29. Ferdinand Toennies, Community and Society [Gemeinschaft und Gessellschaft], trans, and ed. Charles P. Loomis (New York: Harper & Row, 1963).

30. Бейлз был одним из немногих аспирантов, оставшихся на месте в скудные военные годы. Как младший сотрудник факультета, он начал свою известную программу экспериментального исследования малых человеческих групп.

31. New York: Free Press, 1953-

32. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley, 1950.

Перевод с английского
кандидата философских наук
А.Д.КОВАЛЕВА